

В.Л. Хейфец¹
V.L. Jeifets

На пути к Советской Мексике: Коминтерн и КПМ периода подполья (1929-1934 гг.)²

On the way to the Soviet Mexico: the Comintern and the Communist Party of Mexico at the period of its illegal activities, 1929-1934

Аннотация: В настоящей статье анализируются эволюция и особенности политики мексиканских коммунистов, вынужденных действовать в подполье после начала «левого поворота» конца 1920-х гг. В этот период КПМ фактически отказалась от собственной интерпретации проблем революции в своей стране, удовлетворяясь политикой и оценками аппарата Коминтерна. Внимание автора уделено как курсу партии на попытки проникновения в армейские структуры, так и новые формы деятельности (после краха политики широких альянсов) в рабочем движении, среди безработных и крестьянских организаций; все они были направлены на достиже-

---

¹ Хейфец Виктор Лазаревич – доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, jeifets@gmail.com; Jeifets Victor L. – Ph.D., professor of the Russian Academy of Sciences, professor at the Saint-Petersburg State University, jeifets@gmail.com ORCID:0000-0002-7197-7105

² Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 19-18-00305, «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы»

ние цели взятия власти рабочими и крестьянами; КПМ в 1929-1934 гг. фактически исключила из сферы своей деятельности антиимпериалистическую составляющую. Кризис реформистского сектора рабочего движения способствовал интенсивному развитию независимого рабочего движения, путь к которому КПМ пыталась найти, однако эта ее активность осложнялась наличием ряда серьезных конкурентов. В этот период коммунисты сконцентрировали свои усилия на работе в общенациональных отраслевых профсоюзах, что создавало задел для нового роста. В то же время КПМ не поняла ни значения фигуры прогрессивного политика Ласаро Карденаса, ни последствий перегруппировки среди правящих элит и с большим трудом отказывалась от сектантской политики.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Мексики; Коминтерн; ультралевая политика; профсоюзы; сектантство; Висенте Ломбардо Толедано; Ласаро Карденас

Abstract: This article deals with the evolution and peculiarities of the policy of Mexican communists who were forced to operate underground after the beginning of the "left turn" in the late 1920s. During this period, the CPM actually abandoned its own interpretation of the problems of the revolution in its country, being satisfied with the policies and assessments of the Comintern apparatus. The author's attention is paid to both the party's course towards attempts to penetrate the army structures, as also to new forms of activity (after the collapse of the policy of broad alliances) in the labor movement, among the unemployed and peasant organizations; they were all aimed at achieving the goal of the seizure of power by the workers and peasants; in 1929-1934 the Communist Party of Mexico virtually excluded the anti-imperialist component from its sphere of activity. The crisis in the reformist sector of the labor movement contributed to the intensive development of an independent labor movement, the path to which the Mexican Communists tried to find, however, this activity was complicated by the presence of a number of serious competitors. During this period, the communists concentrated their efforts on working in the nation-wide branch trade unions, which created the groundwork for new growth. At the same time, the CPM did not understand neither the significance of the figure of the progressive politician Lazaro Cardenas, nor the consequences of the regrouping within the ruling elites, and with great difficulty renounced sectarian politics.

Keywords: the Communist Party of Mexico; Comintern; ultraleftist policy; trade unions; sectarianism; Vicente Lombardo Toledano; Lazaro Cardenas

DOI: 10.32608/2305-8773-2021-31-1-33-60

Деятельность мексиканских коммунистов в 1930-е гг. строилась на основе коминтерновского утверждения о том, что революция 1910-1917 гг. если и не завершилась совсем, то привела к консолидации «власти буржуазных группировок». Соответственно, партия пыталась вывести революционный процесс на новый уровень с целью взятия власти рабочими и крестьянами. Период 1929-1934 гг. стал также временем постоянных правительственных репрессий против левого движения, включая Коммунистическую партию Мексики (КПМ), Унитарную профсоюзную конфедерацию Мексики (УПКМ), Национальный Рабоче-крестьянский блок (НРКБ) и иных организаций. В июне 1930 г. в селении Матаморос (район Ла Лагуна, шт. Коауила), были убиты 19 сторонников коммунистов; подверглись разгрому помещения мексиканской секции МОПРа, профсоюза пекарей Пуэблы и Унитарной Палаты Труда Федерального округа. Ряд видных активистов КПМ, такие как Валентин Кампа, Рафаэль Каррильо, Хосе Ревуэльтас, Мигель Анхель Веласко, Хуан де ла Кабада и многие другие, были арестованы. Десятки членов компартии (а нередко – и случайных лиц, контактировавших с коммунистами) были отправлены в тюрьму на острова Марии около северо-восточного побережья Мексики. В 1932 г. в штате Веракрус были силой разогнаны организованные КПМ марши безработных, а руководитель одного из них – А. Болио – убит на станции Лимон; аналогичный марш в Пуэбле был блокирован частями федеральной армии, около 20 руководителей акции подверглись аресту и высылке. В 1933 г. в ходе подавления забастовки рисоводов в Нуэва-Италия и Ломбардии (шт. Мичоакан) был убит один из ее организаторов – Г. Самора. Все это лишь усиливало левацкие настроения коммунистов.

Репрессии особенно активизировались после покушения 5 февраля 1930 г. на только что избранного президентом Паскуаля Ортиса Рубио, в подготовке которого власти подозревали в том числе и коммунистов. Был осуществлен ряд арестов акти-

вистов КПМ, УПКМ и МОПР Мексики, а часть деятелей левого движения из числа иностранцев была депортирована, как например, Тина Модотти, Хулио Гомес (Юлий Розовский), Сандалио Хунко, Алехандро Баррейро, Мануэль Котоньо, Тристан Мароф, либо была вынуждена самостоятельно покинуть страну (Витторио Видали). В марте некоторые арестованные были освобождены, на что коммунисты немедленно ответили новыми демонстрациями и акциями протеста против безработицы, наступления империализма и разрыва отношений с СССР: «Еще больше энергии, ярости и действий против ударов, наносимых мексиканским фашизмом» – таков был лозунг, выдвинутый партией.³ После разгона демонстрации, направлявшейся к посольству США, число арестованных членов КПМ лишь увеличилось.

На протяжении ряда лет КПМ фактически отказалась от собственной интерпретации проблем революции в своей стране, удовлетворяясь политикой и оценками аппарата Коминтерна. Партийная газета «Эль Мачете», воспроизводя решения XI-XII пленумов ИККИ, подтверждала полную решимость воплотить их в жизнь в Мексике. Так, в конце 1932 г., в соответствии с установками XII пленума, КПМ готовилась к борьбе за взятие власти и установление в стране рабоче-крестьянского правительства, опираясь на вывод об окончании временной стабилизации капитализма и начале этапа перехода к новому периоду революционных войн.⁴ Начиная с 1929 г., пресса Коминтерна

---

³ El Machete. México. Marzo de 1930, n.179; Díaz P., 1929. P.200. – Цит. по: Carr, 1992. P.405.

⁴ El Machete, 20 de diciembre de 1932, No. 246, p.3. На пленуме ЦК КП США Лаборде заявил: «Правительство [президента Паскуаля] Ортиса Рубио уже является фашистским. После заключения им соглашения с Вашингтоном, оно стремится усилить свой альянс с крупными капиталистами, экономическая политика правительства представляет собой неприкрытую защиту капитала, прежде всего иностранного, и его национальных союзников». – РГАСПИ, ф.495, оп. 108, д.135, л.4.

недвусмысленно квалифицировала Мексику как колонию США, а ее правительство как «фашистское».⁵

Руководство III Интернационала подвергло компартию Мексики жесткой критике, отметив недостаточную жесткость резолюций июльского пленума 1929 г. С точки зрения коминтерновского аппарата, мексиканские коммунисты на протяжении лет «абстрактно и механически» повторяли формулы «аграрно-крестьянская, анти-империалистическая революция в полуколониальной стране», не заметив дифференциации внутри рабочего класса и крестьянства. Впредь Москва категорически отвергала возможность формирования смешанных рабоче-крестьянских организаций, что, среди прочего означало отказ от включения крестьянских групп в УПКМ, и возможность доверить руководство крестьянским движением собственно крестьянским организациям (политический и организационный контроль Коминтерн не намеревался выпускать из рук компартии).⁶ Всемирная компартия готова была идти на уступки «практического характера» в низовых организациях рабочих или бедных крестьян, но ни в коей мере не соглашалась на «идеологические или политические соглашения» с левой интеллигенцией или т.н. «пайсанистами»⁷.

Находясь в подполье, КПМ не получила официальной регистрации, лишившись возможности фактического участия в выборах. Несмотря на осуществление агитационной кампании, выборы для коммунистов оказывались не более чем формой поддержания своего существования. Хотя мексиканская партийная историография и говорит о работе среди «народных групп, не попадавших с сферу простой профсоюзной или аграрной работы», сектантские позиции КПМ, занятые в 1929 г., исключали повторение той деятельности среди населения, ко-

---

⁵ Севин С., 1930. С. 86-101; Harrison G., 1930. P. 201-204; Moreau A., 1930. P. 904-905.

⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 121, л.6.

⁷ От франц. слова «paysanne» - крестьянский. Термин, использованный в коминтерновских документах для обозначения крестьянских группировок, не полностью контролировавшихся коммунистами.

торая проводилась на протяжении 1920-х гг. В первой половине 1930-х гг. коммунистам удавалось проводить лишь мизерное число муниципальных депутатов, уменьшившееся даже по сравнению с крайне незначительным представительством партии в органах законодательной власти в 1924-1929 гг.⁸

Сужение возможностей работы левого движения в период «максимата» привело к исключению из сферы деятельности коммунистов антиимпериалистической составляющей на несколько лет. Работа КПМ в период подполья осуществлялась в трех направлениях – среди крестьян, в профсоюзах, и – что было логичным последствием линии на установление Советской власти – среди военнослужащих и полицейских.

Появился специальный партийный орган – военная газета «Эль Маузер» (выходившая в 1931-1932 гг.) --, предназначенная для нелегального распространения в армии и полиции. Точных данных о степени известности данного издания среди целевой аудитории нет. Тем не менее, можно предположить достаточно широкий масштаб газеты, учитывая специальные меры, принятые военным руководством для воспрепятствования работе коммунистов в армии и полиции. Ряд солдат был подвергнут репрессиям за участие в работе КПМ.⁹ Внутри армии коммунистам также удалось сохранить (негласные) контакты с Р.Кальво Рамиресом, связанным с аграрным движением и сотрудничавшим с КПМ со времени выборов в штате Оахака в 1924 г.¹⁰

С момента разрыва коммунистов с независимым аграрным движением и в полном соответствии с новой линией III Интернационала КПМ сосредоточила свои основные усилия на профсоюзной работе и создании и развитии организаций УПКМ в рабочих центрах и в отдельных сельскохозяйственных регио-

---

⁸ Pelaez, 1985. P. 136, 138.

⁹ Ibid., p. 142; MacGregor Campuzano J., 2002. P. 139-151.

¹⁰ О Кальво Рамиресе см.: Craig, 1983. P. 87-89. Во второй половине 1930-х гг. этот военный являлся активистом КПМ, а впоследствии – членом генштаба генерала Л.Карденаса, когда тот командовал войсками в штате Нижняя Калифорния.

нах. Отсутствие опоры на местные филиалы НКЛ привело к ограничению деятельности коммунистов в крестьянской среде и регионализации их работы. В период подполья основными центрами влияния партии на селе являлись штаты Мичоакан, Чиapas, Тамаулипас, Дуранго и Коауила. Между тем, очевидна разница с работой, проводимой КПМ в 1920-е гг.: теперь основная деятельность осуществлялась уже не среди эхидатариев¹¹, а среди тех, кто характеризовался как сельскохозяйственный пролетариат (пеонов и сезонных рабочих). В вышеуказанных штатах были сделаны попытки организации профсоюзов работников хлопководческих ферм (оказавшиеся удачными в регионе Ла Лагуна в штатах Дуранго и Коауила¹²), проводились забастовки с выдвижением требования подписания коллективных трудовых договоров, установления минимума зарплаты и и обязательного выходного седьмого дня недели. Основной же лозунг в деятельности КПМ в крестьянском движении – в соответствии с установками Коминтерна – звучал как «революционный захват помещичьих и принадлежащих капиталистам земель, всего имеющегося там ... инвентаря, и немедленная их передача в распоряжение трудящегося крестьянства, пеонов и сельхозрабочих».¹³ Москва нацеливала мексиканских коммунистов на срыв сельскохозяйственных мероприятий, проводимых правительством страны и направленных на ликвидацию общин и формирование фермерских хозяйств), создание крестьянских комитетов борьбы и их последующее объединение в Лигу революционных крестьян. При этом подобная лига являлась для Коминтерна не более чем средством агитации сельского населения; мексиканских коммунистов специально предостерегали

---

¹¹ В конце 1929 г. КПМ считала эхидатариев силой, потерянной для крестьянского движения и революции в целом: «Значительное число эхидатариев стремительно эволюционируют в сторону фашизма, многие из них ... сегодня представляют собой военную фашистскую силу правительства в сельской местности». –РГАСПИ, ф.495, оп. 108, д. 128, л.125.

¹² Carr В., 1989. P. 115-150.

¹³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 159, л. 10.

от попыток формирования общенациональной Лиги, которая могла бы подменить собой партийные структуры.¹⁴ В период 1929-1934 гг. Коминтерн, пытаясь найти максимальное число точек опоры для КПМ, действовавшей в условиях полуполюгальности, гораздо активнее побуждал свою мексиканскую секцию к развертыванию работы в районах, населенных индейским населением, созданию там парторганизаций. При этом речь шла фактически не столько о вовлечении индейских племен в общенациональное крестьянское и рабочее движение, сколько об использовании их как очередного фактора дестабилизации правительства: именно этому, представляется, должен был послужить лозунг «полного национального освобождения индейских народностей ... вплоть до отделения»; подобная практика, как известно, была успешно опробована большевиками в Российской империи в первые два десятилетия XX века.

В Нуэва Итали и Ломбардии (шт. Мичоакан) пеонь-рисоводы по инициативе КПМ трижды бастовали в конце 1932–начале 1933 гг. Эти выступления подверглись жесткому ответу властей: Хунта примирения и арбитража отказалась признать законность прекращения работы, а полиция расстреляла забастовщиков. В конце концов, упорство рисоводов привело к частичному успеху в виде увеличения минимальной зарплаты на 1 песо. Другие акции, организованные партией на селе – захваты земель, крестьянские марши и столкновения с силами правопорядка и личной гвардией асендадос – оказывались изолированы и практически всегда проваливались. В отсутствие поддержки со стороны ослабленной Национальной Крестьянской лиги и (бывшего) губернатора Адальберто Техеды КПМ совершенно не удалось противостоять довершению процесса разоружения крестьян в Веракрусе, Мичоакане и других штатах.¹⁵

В период полуподпольной деятельности – под давлением Коминтерна и под влиянием левацких настроений внутри ЦК КПМ и УПКМ – мексиканская компартия, отказавшись от

---

¹⁴ Там же, л. 12.

¹⁵ Fowler Salamini, 1979. P. 146-149.

прежней ставки на альянс крестьян и коммунистов в форме НКЛ¹⁶, кардинально переоценила собственные силы и пересмотрела партийные взгляды на характер мексиканской революции и социально-политическую панораму постреволюционной Мексики. При этом КПМ фактически игнорировала тот факт, что революция 1910-1917 гг. была по характеру именно крестьянским движением, направленным на аграрный передел, равно как и то, что за 10 с лишним лет после революции – несмотря на процесс дифференциации внутри крестьянства и выделение групп зажиточных фермеров – богатые крестьяне так и не стали центральным актором в сельской Мексике, стремление миллионов крестьян обрести земельные наделы по-прежнему оставалось важнейшим фактором внутримексиканских социальных процессов. Стремление руководства Коминтерна отождествить «средняков»-эхидатариев и помещиков-асендадос оказывалось ни чем иным как принципиальным непониманием сохранявшегося враждебного отношения между средними и крупными землевладельцами. Следует отметить, что и в аппарате Коминтерна делались попытки избежать крайних оценок, не базировавшихся на серьезном анализе социально-экономической и политической ситуации в странах Латинской Америки¹⁷, однако процессы сталинизации и бюрократизации III Интернационала положили конец дискуссиям¹⁸. Крестьянский вопрос остается одним из серьезных пунктов повестки дня социально-экономической политики Мексики даже в начале XXI в., а процесс социальной дифференциации продолжается до сих пор, тем более не являлся он решенным в начале 1930-х гг. Переоценка пролетарского характера будущей революции в деревне и соотношения сил среди участников этой революции играла против коммунистов, оказывавшихся не в состоянии подобрать себе перспективных союзников и выстроить прочную базу для развертывания деятельности КПМ.

---

¹⁶ Хейфец В.Л., 2003, Р.45-49.

¹⁷ РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 121, л.198-199.

¹⁸ Хейфец Л.С., Хейфец В.Л., 2019.

Кризис реформистского профцентра Региональная рабочая конфедерация Мексики (КРОМ) и его разрыв с властями способствовали интенсивному развитию независимого рабочего движения, расколотого, однако, между множеством объединений. В результате развала КРОМ возникли Национальная Палата Труда во главе с Фиделем Веласкесом, и «очищенная» КРОМ, руководимая Висенте Ломбардо Толедано, которые позднее объединились во Всеобщую Конфедерацию рабочих Мексики (ВКРМ). Коммунисты, преобладавшие в УПКМ, сконцентрировали свои усилия на работе в общенациональных профсоюзах шахтерско-металлургической, нефтяной, электрической и железнодорожной отраслей промышленности, занявшись одновременно и вербовкой трудящихся в сельской местности; важным мероприятием стала кампания по привлечению на свою сторону сельских учителей. Это постепенное проникновение в рабочее движение со временем могло поставить КПМ в стратегическую позицию для нового роста.

Между тем, поначалу коммунисты, согласно директивам Карибского бюро Коминтерна, сосредоточили свои усилия в рабочем движении на борьбе против вступившего в силу в 1931 г. Федерального закона о труде, регулировавшего отношения между наемными рабочими и владельцами предприятий. Хотя кодекс ограничивал право на забастовку, вводил принудительный арбитраж и жестко регламентировал формы организации и централизации профсоюзов, он одновременно закреплял ряд завоеваний и прав рабочих. КПМ же квалифицировала данный закон как «фашистский», причем именно исходя из наличия «социал-демагогических статей, якобы предназначенных для защиты интересов трудящихся». Партия сконцентрировала острие своей агитационной кампании как раз против данных статей, намереваясь тем самым привлечь как можно большее число рабочих к выступлению против закона в целом.¹⁹ Комму-

---

¹⁹ El Machete. 30 de noviembre – 10 de diciembre de 1931, N215; El Machete. 30 de enero; 10 de febrero de 1932; Anguiano, Pacheco y Vizcaino, 1975. P. 255; Córdova, 1981. P. 140-141; Márquez Fuentes y Rodríguez Araujo, 1973. P. 152-53.

нисты, будучи уверенными в неизбежном кризисе, резко выступали против любых государственных реформ, опасаясь того, что они приведут к отсрочке революционного взрыва. Не вызывает ни малейших сомнений решающая роль Коминтерна в отходе мексиканской компартии от хотя бы минимального использования возможностей Кодекса о труде. Попытки руководства КПМ выяснить, в каких случаях допустимо пользоваться законом «в силу особой обстановки», встретили жесткую отповедь со стороны Карибского бюро: «Конкретизация политики борьбы против «трудового закона» не означает отступлений от политики... Способ конкретизации борьбы ... заключается ... в организации в руководстве повседневной борьбой рабочих за их экономические и другие частичные требования..., разоблачая фашистскую сущность «трудового закона»... было бы явным легализмом и худшего вида оппортунизмом ставить защиту в индивидуальных делах перед судом центральной задачей для мобилизации массовой борьбы против предпринимателей, против суда и против фашистского «трудового закона». Как раз эта легалистика и оппортунистическая политика сводит на практике функции революционных союзов к функции адвокатов перед арбитражным судом... мы должны вести беспощадную борьбу против всех легалистских тенденций... ни при каких условиях ... не подчинять наши профсоюзы и другие выступления требованиям «трудового закона» ... Наша тактика должна основываться на организации массового нарушения трудового закона ...».²⁰

В январе 1932 г. коммунисты – в полном соответствии с требованиями всемирной компартии – сделали ставку на усиление борьбы против арбитражных Хунт и массовое неподчинение закону о труде.²¹ Этот сектантский подход, ратифицированный VII Национальной конференцией партии в конце января 1932 г., лишь усилил на практике изоляцию КПМ от массовых организаций и провоцировал активизацию правительственных репрессий против нее. Было бы безосновательно объяснять партийную

---

²⁰ РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 148, л.2-4.

²¹ Vajo, 1933. P. 18.

позицию исключительно слепым следованием директивам III Интернационала. Не менее важную роль играло продолжавшееся давление правительственных репрессивных органов на КПМ и аффилированные с нею организации: 16 декабря 1930 г. были разгромлены помещения УПКМ и задержаны некоторые профсоюзные активисты, полицейский налет повторился 10-11 мая 1931 г., 7 апреля 1933 г. агенты прервали работу общенациональной конференции УПКМ; 13 марта 1931 г, 24 марта 1932 г. и 18 апреля 1933 г. полиция провела аресты и обыски в Унитарной Палате Труда Федерального округа; входивший в УПКМ профсоюз предприятия Сан-Бруно (где немалым влиянием обладали коммунисты) в Веракрусе подвергся трем налетам к июню 1931 г., а 19 и 25 августа 1932 г. полиция вновь прервала его работу; в сентябре 1933 г. была разогнана демонстрация с требованием введения системы социального страхования.²² Обстановка, в которой приходилось действовать коммунистам, явно не способствовала глубокому анализу ситуации и переосмыслению собственной деятельности.

В то же время иные практически мероприятия УПКМ демонстрировали понимание того, в каком направлении следовало действовать для расширения массовой базы профдвижения и компартии. Через данный профцентр Коммунистическая партия попыталась представить в парламент в середине апреля 1931 г. проект закона «О социальном страховании и против безработицы». Документ регулярно отвергался, и более трех лет коммунисты упорно пытались добиться его принятия посредством организации забастовок, маршей и митингов. Понимание необходимости данного закона существовало и в правительственных кругах, и, в конце концов, власти представили собственное видение правового регулирования проблемы социального страхования, рассматривавшийся компартией исключительно как попытка завоевать симпатии со стороны организованного рабочего движения.²³

---

²² MacGregor Campuzano J., Sánchez Silva C. R., 1998. P. 145-146.

²³ El Machete. 20 de junio de 1931. núm. 201; El Machete. 2a. quincena de abril de 1931, núm. 196.

Более или менее крупные забастовки КППМ удалось организовать вместе с Рабочей Федерацией Тамаулипаса и профсоюзом рабочих фабрики «Эмерикэн Смелтинг» на нефтяном предприятии «Ла Империяль» (Тампико) и фабрике АСАРКО (Монтеррей). Поскольку как главная задача рассматривалась мобилизация как можно большего числа рабочих, а не экономическая составляющая забастовки, организаторы акции уделяли мало внимания возможности переговоров с владельцами предприятий и правительством, содержащейся в законе о труде. Равным образом и федеральные власти полагали необходимым не поиск компромисса, а показательное подавление забастовки, что привело к масштабным увольнениям и ранению множества забастовщиков²⁴. Накануне столкновений был задержан и депортирован из штата один из лидеров УПКМ В.Кампа, а уже в ходе разгона забастовщиков – руководитель МОПР Мексики, член ЦК КППМ Гастон Лафарга. От столь тяжелого удара местное рабочее движение не смогло оправиться на протяжении ряда лет.

В период подполья, совпавшего со временем мощного мирового экономического кризиса, оказавшая маргинализованной в политической сфере и на селе компартия нашла новый метод деятельности – организацию движения безработных. Начиная с 1930 г., создаются комитеты безработных, готовившие митинги и демонстрации. Кульминацией этой работы стал августовский «голодный марш» безработных в 1932 г., инициированный УПКМ. В Мехико направились несколько колонн из Тампико, Мадеро, Сан-Луис Потоси, Халапы, Веракруса, Пачуки, Пуэблы. Жесткие репрессивные меры, предпринятые в отношении участников марша в ряде штатов, притормозили развитие акции, однако, позволили коммунистам активизировать свои связи с некоторыми секторами рабочего движения. После спада в численности членов КППМ, вызванного резким изменением партийного курса в конце 1920-х гг. и предпринятыми исключениями, компартии удалось увеличить количество ячеек и рекрутировать в ходе предпринятых в рабочем движении мероприятий

---

²⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д.154, л.20.

новых активистов в свои ряды. Если на начало 1931 г. в КПМ состояло 528 человек в 40 местных организациях, то на январь 1932 г. насчитывалось 1329 членов партии в 69 местных организациях, а на декабрь 1933 – 1400 человек; число ячеек возросло с 2 до 37, к лету 1933 г. их было более 100 (из которых 4/5 приходились на промышленные предприятия).²⁵

Нельзя упускать из внимания важнейший факт: для значительного числа местных активистов компартии борьба против нищеты и безработицы означала, прежде всего, попытку удовлетворить повседневные нужды обездоленных, а не дословное выполнение революционных проектов III Интернационала; местные производственные конфликты обладали для них собственной динамикой, и это не могли не видеть рабочие в различных регионах страны.

В то же время общая ставка КПМ на безработных совпадала с позицией Коминтерна, руководство которого было уверено в том, что растущее движение безработных являлось революционной силой.²⁶ Между тем, для коммунистов во всех странах без исключения, оказалось непосильной задачей проводить одновременно работу среди безработных и внутри существующих профсоюзов, тем более, что влияние компартий на фабриках и заводах было серьезно подорвано массовыми увольнениями. Полученный де-факто статус «партий безработных» исключал для коммунистов возможность возглавить экономическую борьбу против капитализма и организовать массовые политические стачки, поскольку значительная часть членов партии (если не подавляющее большинство) не имела работы и, соответственно, не обладала влиянием в производственных центрах. Перенос основного поля деятельности с фабрик в городские кварталы ставил партию в заведомо невыгодные позиции по сравнению с реформистами из Лабористской партии и рядом

---

²⁵ El Machete. 20-29 de febrero a -II a 10 marzo de 1932. No. 219, p. 3; El Machete. 1 de mayo de 1933, No. 258, p.3; El Machete. 10 de enero de 1934, No. 281, p. 3; Hoover Institution Archive. Rodolfo Echeverría Collection, Box 17, Folder. 17.4.

²⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 108, д. 121, л.6.

правительств штатов, могущими использовать бюджетные средства для проведения социальных мероприятий и привлечения на свою сторону новых сторонников. Наконец, от внимания КПМ и аппарата Коминтерна совершенно ускользнул факт незавершенной «пролетаризации» страны: десятки тысяч лишившихся работы мексиканцев возвращались в сельскую местность, чтобы пережить времена кризиса, работая на земле, вместо того чтобы добиваться получения вакансий в городах.

Идея широкого фронта безработных и рабочих могла быть реализована в отдельных регионах, но оказывалась практически невыполнимой даже в масштабе той или иной страны, не говоря уже о международной кампании. Наконец, лидеры Коминтерна и руководство местных компартий так и не сумели оценить настоящую природу движения безработных – его невосприимчивость к организации на постоянной основе и нежелание подвергаться повседневному контролю; участники движения могли с равным успехом отправиться маршем протеста или отказаться от активных действий. Стремление установить тесные связи с безработными и возглавить их борьбу действительно создавало для компартии своеобразный «задел» на будущее (коммунисты оказывались хотя и маргинальной силой, но чуть ли не единственной организованной политической структурой, кто действительно готов был заниматься проблемами людей, лишившихся работы), но не могло привести к быстрому созданию мощного «революционного отряда».

Постоянно декларирувавшаяся радикальными левыми позиция единства рабочего движения была выдержана в полном соответствии с решениями IV конгресса Профинтерна (1928 г.) и XI пленума ИККИ: единый фронт следовало осуществлять «снизу», то есть через голову руководителей конкурирующих организаций, что, естественно, не способствовало активизации сближения различных секторов рабочего класса. В ноябре 1931 г. КПМ призвала членов КРОМ, Всеобщей конфедерации трудящихся и независимых профсоюзов, а также рабочих, не входящих в те или иные организации, создавать Комитеты борьбы за Единый фронт на предприятиях, «объединяя таким образом всех рабочих, невзирая на существующие разногласия, дабы

положить конец Буржуазному Наступлению».²⁷ По итогам XI Пленума ИККИ ЦК КПМ подтвердил, что важнейшим лозунгом в профдвижении для мексиканских коммунистов становился лозунг борьбы за общее повышение зарплат дабы сбалансировать повышение цен. При этом КПМ намеревалась действовать не в рамках широкого фронта, а «удвоить борьбу против социал-фашистов» (в т.ч. – КРОМ, ВКТ, автономных профсоюзов, особенно левых), НРП и ««левых» демагогов», прежде всего революционного националиста Адальберто Техеды и его сторонников. Категорически осуждались попытки создания «единого фронта сверху» против Трудового кодекса, предпринятые техедистами и отдельными профсоюзами Халапы, находившимися в сфере влияния УПКМ; единственно возможной формой объединения по-прежнему признавался «фронт снизу».²⁸

С 1932 г. коммунисты начали вновь работать в «реформистских» профсоюзах, как например, в федерации железнодорожников.²⁹ На практике попытки формирования единого фронта дополнялись левацкой фразеологией и неумением найти общий язык с рабочими-кромистами, что регулярно приводило к провалу идеи совместных действий (в Монтеррее, Федеральном округе, Тампико и Халапе).

В то время как в расколотом рабочем движении Мексики началась постепенная перегруппировка сил, закладывавшая основы для его объединения для достижения совместных целей, КПМ продолжала упорствовать в своей левацкой позиции. Так, коммунисты либо игнорировали, либо крайне критически относились к группе В. Ломбардо Толедано, окончательно порвавшей с лидером КРОМ Луисом Моронесом летом 1932 г. и начавшей эволюционировать влево. Январский пленум ЦК КПМ 1933 г. оценил «левацкого» демагога реформизма» как человека, играющего особенно опасную роль.³⁰ Сохранение

---

²⁷ El Machete. 10 y 20 de noviembre de 1931, num. 214.

²⁸ РГАСПИ, ф.495, оп. 108, д.144, л. 32.

²⁹ León S. e Marván I., 1985. P. 107-8.

³⁰ Bajo, 1933. P. 7.

прежних позиций объективно не давало коммунистам воспользоваться собственным численным ростом для закрепления и расширения своего влияния.

После прихода национал-социалистов к власти в Германии Коминтерн начал осторожно задумываться о возможности создания единого фронта со II Интернационалом против нацистов. В середине февраля 1933 г. с инициативой заключить пакт о ненападении между коммунистами и социалистами в Германии выступил уже II Интернационал; но она осталась без ответа. Только после поджога рейхстага, арестов тысяч коммунистов и объявления КПГ вне закона ИККИ призвал всех сторонников всемирной компартии создавать «единый фронт борьбы» совместно с социал-демократическими рабочими массами при посредничестве социал-демократических партий; однако, вновь было подчеркнуто: главным препятствием к сотрудничеству является «политика сотрудничества с буржуазией, которую проводят социал-демократические партии». КПМ также перепечатала данный призыв.³¹ Первые же попытки его создания натолкнулись на взаимное недоверие обеих организаций. Мексиканские коммунисты между тем размышляли над возможностью претворения новых директив в жизнь «в условиях Мексики». Принимая во внимание отсутствие социал-демократической партии и того, что НРП расценивалась коммунистами как «партия правящих буржуазии и асендадос», КПМ пыталась создать единый фронт всех профсоюзных организаций, как революционных (УПКМ), так и реформистских (КРОМ, включая оба ее крыла – моронистское и ломбардистское).³²

Изменения в профсоюзной политике Коминтерна совпали хронологически со специально отложенной на 1-3 апреля общенациональной конференцией УПКМ (а центральный лозунг форума полностью соответствовал новой линии III Интернационала – «К единому фронту борьбы»), в которой приняли уча-

---

³¹ Degras, 1971. P.252-253; El Machete, marzo 30 y abril 10 de 1933, No. 256; Макдермотт, Агню, 2000. P. 138-139.

³² El Machete. 10 de mayo de 1933, No.259, p.3 y 4.

стие профсоюз нефтяников предприятия «Ла Империаль» (Тампико), Единый Фронт шоферов грузовиков Федерального округа, профсоюз булочников (Тампико и Сьюдад-Мадеро), мексиканский профсоюз электриков (отделение в Тампико), Красный профсоюз трудящихся Линии Такуба (Федеральный округ), профсоюз рабочих и крестьян Нуэва-Италия (штат Мичоакан), автономный профсоюз булочников Пуэблы, профсоюз железнодорожных рабочих Мексиканской республики (СТФРМ) (секция Пуэблы) и 36-е отделение Союза механиков (Пачука), Национальный союз репатриантов, организация безработных Лиги «Урсуло Гальван», профсоюз учителей Халапы, Группа рабочих фабрики «Миньон», Аграрное Сообщество Сан-Пабло Сочильуакан (штат Пуэбла).³³ При широте профессионального спектра представленных организаций, констатируя, что проникновение КПМ в важнейшие отрасли промышленности, было очевидно – единство рабочего движения данным мероприятием ни в коей мере не было достигнуто, а коммунисты по-прежнему объединяли лишь меньшинство организованных рабочих (даже по официальным партийным данным, число представленных на конференции трудящихся едва перевалило за 7 000 человек).

Кульминацией кампании за единый фронт, инициированной УПКМ в 1933 г., радикальные левые предполагали проведение первомайской демонстрации силами нескольких профцентров. Одновременно (19 апреля) УПКМ предложила совместные действия по организации митингов, демонстраций и забастовок Палате труда ФО, КРОМ (возглавлявшейся Эукарио Леоном), КРОМ (руководимой Ломбардо Толедано), ВКТ, Конфедерации электриков, СТФРМ, Профсоюзной федерации ФО, "без выхода рабочих из своих соответствующих организаций" и на базе следующих требований: борьба против сокращения зарплаты, увольнения работников, против принудительного арбитража, за выполнение минимальных требований безработных, против фашистских преследований и репрессий, против империалистической войны и втягивания в нее Мексики.³⁴

---

³³ El Machete. 30 de marzo y 10 de abril de 1933, núm. 256.

³⁴ El Machete. 1 de mayo de 1933, núm. 258.

Итог первомайской демонстрации оказался для коммунистической левой весьма безрадостным: ВКТ и Федерация рабочих профсоюзов (Ломбардо Толедано) предпочли проводить свои манифестации отдельно, как и Палата Труда, ориентированная на НРП. Коммунисты попытались прервать митинг ломбардистов, проходивший в "Синэ Мундиаль", демонстрируя свои лозунги Единого Фронта, но были разогнаны и задержаны полицией. В общей сложности 24 тысячи человек (в ФО лишь 250 человек) приняли участие в первомайских мероприятиях КПМ и УПКМ, в то время как руководство левых ожидало втрое больших цифр.

В общем, провал объединительной акции был закономерен и стал результатом многолетней кампании не только конкуренции в рабочем движении, но и проводившейся ранее коммунистами фронтальной "борьбы с социал-фашизмом": лидеры реформистских организаций попросту не доверяли коммунистам, столь же враждебно к ним оказались настроены и многие первичные организации профцентров. Столь же предсказуем был и отказ Рабочей партии откликнуться на призыв ЦК КПМ от 8 июня о совместных действиях на почве экономической борьбы и в электоральной кампании.

Сама тенденция к объединению присутствовала в рабочем движении, и в ноябре 1933 г. УПКМ, Национальная крестьянская лига "Урсуло Гальван", Национальный Крестьянский комитет, Федерация Аграрных объединений Федерального округа, Конфедерация учительских организаций, Единый Фронт Плаката, Единый фронт профсоюзов Тампико и Сьюдад-Мадеро основали Постоянную комиссию (Комитет) за Рабоче-Крестьянское Единство с целью последующего формирования единой организации.³⁵

Вполне очевидно, что коммунистов интересовало прежде всего единство с основными реформистскими организациями, обладавшими влиянием и присутствовавшими в важнейших промышленных центрах. Однако, ввиду отказа лидеров КРОМ сотрудничать с коммунистами и неудачной попытки КПМ

---

³⁵ El Machete. 10 de noviembre de 1933, núm. 275.

участвовать в Рабоче-Крестьянском конгрессе, партия была вынуждена объединяться с теми, кто реально готов был откликнуться на призыв УПКМ, и, кроме того, вспомнила о прежней тактике – строительстве «единого фронта снизу», то есть среди активистов местных организаций.

Не преуменьшая достижений УПКМ и КПМ в деле формирования единого фронта, нельзя не констатировать вновь – вышеназванные организации были малоизвестны в рабочем и крестьянском движении, и об их реальном весе можно лишь догадываться. Коммунистам явно не удавалось преодолеть предубеждения против них, сложившиеся в ряде профцентров и собственная их линия этому немало способствовала. Весьма характерно, что партийная газета «Эль Мачете» практически не сообщает ничего о деятельности Комитета за Рабоче-Крестьянское Единство, уделяя, однако, внимание внутренним конфликтам в нем. Так, уже в декабре 1933 г., полтора месяца спустя после создания Комитета вспыхнула ссора с руководителем НКЛ «Урсуро Гальван» Эчегараем, чуть было не приведший к уходу последнего из недавно созданной структуры.³⁶

Ни во время неудачной попытки объединения усилий с крупными профцентрами, ни после этого ечь не шла даже о подобии действительно широкой коалиции. КПМ категорически отвергала возможность союза с Социалистической левой партией, объединявшей левое крыло правящей элиты – "техедистов": в ее отношении сохранялась позиция постоянной критики. В конце концов, КПМ вернулась к хорошо знакомой ей тактике самостоятельной работы УПКМ и отдельных профсоюзов, выступая за идею создания последними собственных Комитетов единого фронта и их «борьбу» в качестве Революционной профсоюзной оппозиции. Главным лозунгом при этом оказывалось противодействие Шестилетнему плану.³⁷ Подобная политика, как и продолжение активной борьбы с руководством крупных профсоюзов влекла за собой сохранение маргинального положения коммунистов в левом движении.

---

³⁶ El Machete. 20 de noviembre de 1933, núm. 276.

³⁷ El Machete. 10 de febrero de 1934, núm. 284.

Ломбардо Толедано подверг жесткой критике стремление УПКМ создавать организации повсюду, что, с его точки зрения, означало лишь дробление сил рабочего движения. В то же время нельзя не учитывать, что активисты новых малочисленных профсоюзов действительно всерьез собирались добиваться единства (в их тогдашнем понимании данного лозунга), которое впоследствии, как они предполагали, привело бы к формированию крупной организации. Создание мелких групп было, естественно, контрпродуктивным, но объясняется оно в значительной степени не только сектантским подходом коммунистов, но и отказом от сотрудничества с ними в реформистских организациях. Нельзя также забывать и важнейший для УПКМ принцип – независимость рабочего движения от государства – что оказывалось неизбежным водоразделом между данным профцентром и его основными конкурентами.

Естественно, что маргинализации коммунистов способствовали не только их сохранявшаяся сектантская политика, но и сознательное обособление от них и связанных с КПМ профсоюзов вождей крупных профцентров. Показательны в этой связи события вокруг забастовки рабочих предприятия «Пальмолив». Унитарная палата труда Федерального округа (входившая в УПКМ) подготовила ко 2 июля 1934 г. всеобщую забастовку солидарности с требованием восстановить на работе уволенных. Состоявшаяся забастовка так и не приобрела ожидаемого размаха, поскольку лидеры ВРКМ (прежде всего Ломбардо Толедано) предпочли договориться с правительством Абельардо Л.Родригеса об отказе от стачки рабочих-электриков³⁸, намеренных же бастовать членов УПКМ ломбардисты попросту старались не замечать. УПКМ была вновь вынуждена сосредоточиться на усилении собственных отделений и независимых профсоюзов ввиду провала попыток привлечь максимальное число трудящихся к деятельности большого Единого фронта.

На президентских выборах 1934 г. партия выдвинула кандидатуру своего лидера Эрнана Лаборде, вновь действуя в рамках Рабоче-Крестьянского блока. В ходе кампании КПМ, действуя в

---

³⁸ El Machete. 30 de junio de 1934, núm. 295.

соответствии с тезисами Коминтерна, неоднократно заявляла о своем решительном отличии от карденизма, техедизма, троцкизма и других политических группировок, в той или иной форме принимавших участие в выборах. При этом шестилетний план Карденаса рассматривался как программа фашизации страны, ее капитуляции перед империализмом США и подготовки к войне; согласно точке зрения коммунистов, эта программа была ничем иным как попыткой решить проблемы страны за счет масс и в интересах эксплуататорских классов. КПМ противопоставляла данному плану свою программу «аграрно-антиимпериалистической революции», которая должна была бы стать первым этапом пролетарской революции в Мексике: «Буржуазно-феодальной диктатуре НРП, демагогическим предложениям Карденаса и Техеды («передать власть трудящимся»), реакционным программам "оппозиции» и «независимым» мы противопоставляем лозунг советской власти или же революционной диктатуры рабочих и крестьян в форме Советов рабочих, крестьянских и солдатских представителей».³⁹ В самом начале своей кампании генсек КПМ отождествил политику НРП с усилением «полуфеодального господства латифундизма, сохраняющим все его привилегии, злоупотребления и преступления».⁴⁰

Нет ни малейших сомнений: в конце периода экономического кризиса и политической перегруппировки внутри правящей НРП коммунисты не поняли ни значения фигуры Л.Карденаса и последствий разрыва А. Техеды с НРП и отражения этих процессов внутри крестьянского и рабочего движения Мексики.

Основным лозунгом кампании был «К Советской Мексике!». Данный лозунг не мог не оказаться абсолютно нереалистичным, поскольку КПМ не только была весьма далека от того, чтобы влиять на события в стране, но и находилась в абсолютной изоляции и самоизоляции от других политических сил страны. Критика в адрес карденизма ничем не отличалась от критики в адрес троцкизма и техедизма, внутри же партии шла

---

³⁹ El Machete, No.290, abril 30 de 1934, p.4.

⁴⁰ Laborde, s.f., P. 4.

столь же яростная борьба против «оппортунизма». По сути дела, КПМ боролась одновременно по всем фронтам и не доверяла даже собственным активистам. Карденизм же, борющийся с «кальлизмом» внутри НРП со времени Второго Национального конвента партии (1933 г.), идентифицировался коммунистами с фашизмом практически во всех аспектах. Характерно название речи, произнесенной Лаборде в конце 1933 г. и опубликованной вскоре в виде брошюры. По сути, это было квинтэссенцией восприятия левыми карденизма: «Против фашистского шестилетнего плана».

Хотя коммунистический кандидат и вел активную кампанию (в рамках партийных возможностей), ее результат был предопределен: при голосовании Лаборде не смог аккумулировать даже голоса тех 30 тыс. человек, что принимали участие в митингах РКБ. Он собрал 1188 голосов (при предварительном подсчете – 6406), тогда как Техеда получил 15675 (9447), Вильярель 25620 (17161), а официальный кандидат Карденас – 2 268 567 (1 092 834) голосов.⁴¹

Период 1933-1934 гг. стал также этапом абсолютизации значения вооруженной борьбы с целью установления рабоче-крестьянского правительства. Латиноамериканский лендер-секретариат напрямую рекомендовал коммунистам стран Западного полушария пойти по «китайскому пути». Данные установки излагались как в журнале «Коммунистический интернационал», так и в сборнике «Проблемы революции в странах Южной и Караибской Америки» (1934 г.). Так, в статье фактического руководителя лендер-секретариата Южной и Центральной Америки Георгия Скалова утверждалось: «Китайский» путь развития революции – ее первоначальная победа в отдельных районах страны – имеет весьма много шансов стать также и путем развития революции в ЮКА. <...> «Главный лозунг Коминтерна – Советская власть» (XIII пленум ИККИ) становится в странах ЮКА основным лозунгом сегодняшней борьбы, лозунгом массового действия».⁴²

---

⁴¹ Pelaez, 1985. P. 150-151.

⁴² Синани, 1935. P. 303.

Ситуация медленно и постепенно начала меняться лишь после избрания Карденаса президентом в 1934 г. и создания им правительства, взявшего курс на углубление реформ, начатых в стране в ходе революции. В июне 1935 г. Кальес обвинил ломбардистскую Всеобщую конфедерацию рабочих и крестьян Мексики в проведении подрывной деятельности, обрушившись одновременно с резкой критикой на политику Карденаса в сфере труда. Эти декларации были ничем иным как открытой демонстрацией внутреннего кризиса в правящей партии, связанного с наличием разных представлений о направлениях развития страны. Кроме того, данный диспут должен был бы окончательно прояснить роль президента как самостоятельного политика или же как фигуру, зависимую от «хефе максимо» (П.Э.Кальеса). КПМ этого попросту не замечала, полагая, что речь идет о «межбуржуазной борьбе, не интересной пролетариату», и выдвигая лозунг «ни с Кальесом, ни с Карденасом, а с карденистскими массами». Карденизм даже не рассматривался как отдельное политическое течение, а воспринимался как «левая демагогия НРП».

19 июля 1935 г., за несколько дней до начала VII конгресса Коминтерна в Москве, речи, произносимые коммунистами в Мексике, ясно демонстрировали, какой политической концепции придерживалась партия. Генеральный секретарь Национальной Лиги против империализма, фашизма и войны Фаусто Помар объявил о созыве конференции «единого фронта» с участием всех рабочих, студенческих, крестьянских организаций, а также интеллектуалов, при этом главной целью провозглашалась борьба против империализма, для которой идеологические и политические разногласия играли не столь важную роль. Еще четче определил линию КПМ Давид Альфаро Сикейрос, заявив, что ситуация в штате Табаско является великолепным примером проникновения империализма в страну (полное доминирование компании «Юнайтед Фрут компани») и отказа от раздела латифундий, в то время как профсоюзы совершенно подчинены властям штата, применяют «фашистские» методы и не способны защитить трудящихся. Сикейрос охарактеризовал НРП как диктаторскую и даже фашистскую партию. Однако, он дал по-

нять, что, если Карденас и его министры действительно хотят изменить ситуацию, надо дать им шанс выполнить свои обещания и не допустить фашизации правительства.⁴³

Политика единого фронта, провозглашенная Коминтерном, предлагавшая социал-демократам сотрудничество на почве экономических и политических требований рабочих, иначе говоря, в борьбе за реформы, потенциально давала коммунистам возможность постепенно выбраться из состояния изоляции, где они оказались после провозглашения политики «класс против класса».

Естественно, что провозглашенная для повсеместного применения политика III Интернационала не могла на практике дать единые результаты. В случае Мексики важнейшими факторами являлись слабость коммунистов и отсутствие социал-демократии как таковой, при наличии в то же время корпоративизации крупных профцентров на протяжении многих лет. Стоит учитывать и то, что правительство периода кальсистского максимата ни в коей мере не демонстрировали толерантности в отношении любых форм оппозиции от левых в лице КПМ до васконселистов и кристерос. Эта сумма обстоятельств ставила перед УПКМ (и стоящей за ней радикальной левой) серьезнейшую задачу – обрести активное и широкое присутствие в различных группах мексиканских промышленных рабочих. Без достижения этой цели превращение левого движения в действительно мощную силу было невозможным.

Имелись и конкретные примеры постепенного изменения отхода партии от неэффективной политики 1929-1934 гг. и начала сближения между коммунистами из УПКМ и карденистскими массами, а также с организациями железнодорожников, электриков и шахтеров и ВКРКМ, находившейся под влиянием Ломбардо Толедано, что удачно совпало с намерением правительства Ласаро Карденаса осуществить унификацию рабочего движения. 15 июня 1935 г. был создан Национальный Комитет пролетарской защиты, в котором участвовали Мексиканский профсоюз электриков, ВКРКМ, Железнодорожный

---

⁴³ Siqueiros, s.f. P.11.

профсоюз и другие организации. Целью комитета было обозначено создание «единого фронта». В случае стремления КПМ объединить лишь «безусловно революционное» профдвижение она рисковала бы остаться на обочине рабочего движения, где зримо ощущались тенденции к совместной работе и профсоюзному единству. Еще в 1934 г. был создан Промышленный (впоследствии переименованный в Общенациональный) профсоюз шахтеров, металлургов и лиц схожих профессий Мексиканской республики. Начавшаяся экономическая рецессия неизбежно влекла за собой увеличение числа забастовок, митингов и демонстраций, выявивших новых рабочих лидеров, не связанных столь тесно с прежней профсоюзной бюрократией КРОМ и ВКТ, что давало шанс на достижение компромисса в переговорах коммунистов с ними. Но системного пересмотра прежней сектантской линии КПМ по-прежнему не было, и партия лишь осторожно зондировала почву в рабочем движении.

БИБЛИОГРАФИЯ/ REFERENCES

- Bajo el signo del XII Pleno. Las tareas del Partido Comunista de México en las condiciones del fin de la estabilización capitalista. México, 28-29 de enero de 1933, s.e.
- Carr B.* *Marxism & Communism in XX-Century Mexico.* Lincoln: University of Nebraska Press, 1992.
- Carr B.* El Partido Comunista y la movilización agraria en La Laguna, 1920-1940: ¿una alianza obrero-campesina? // *Revista Mexicana de Sociología.* núm. 2, abril-junio, 1989, año LI, Mexico, p. 115-150.
- Córdova A.* En una época de crisis (1928-1934). México: Siglo XXI, 1981.
- Craig A.* *The First Agraristas: An Oral History of a Mexican Agrarian Reform Movement.* Berkeley: University of California Press, 1983.
- Degras J.* (ed.). *The Communist International.* Vol. 3. Routledge, 1971.
- Fowler Salamini H.* *Movilización campesina en Veracruz (1920-1938),* México: Siglo XXI, 1979.

- Harrison G.* Mexico Before and After the Break with the Soviet Unión // *Inprecorr.* № 12, 1930. March, 6. pp. 201-204
- Laborde H.* Hacia el México soviético, s.p.i., s.f.
- León S., Marván I.* En el cardenismo. México: Siglo XXI, 1985.
- MacGregor Campuzano J.* Comunistas en Islas Marías, julio-diciembre de 1932 // *Signos Históricos.* num.8, 2002, (UAM-Iztapalapa, México), p. 139-151.
- MacGregor Campuzano J., Sánchez Silva C. R.* «... Por una solución revolucionaria de la crisis»: la Confederación Sindical Unitaria de México, 1929-1934 // *Iztapalapa*, num. 43, enero-junio de 1998, Mexico, p. 145-146.
- Márquez Fuentes M., Rodríguez Araujo O.* El Partido Comunista Mexicano en el periodo de la Internacional Comunista. Mexico: El Caballito, 1973.
- Moreau A.* War Clouds on Mexican Horizont // *Inprecorr.* № 43. September, 18. 1930. p. 904-905.
- Pelaez H.* Los años de clandestinidad / Martínez Verdugo A. (ed.). El Comunismo en México. México: Grijalbo, 1985.
- Resolución adoptada por la VII Conferencia Nacional del Partido Comunista de México (Sección de la Internacional Comunista), reunida en México, D.F. del 25 al 29 de enero de 1932, sobre la situación económica y la política y las tareas del partido / Anguiano A., Pacheco G. y Vizcaino R. Siqueiros D.A. et al. Discursos pronunciados en el mitin que tuvo lugar en la Arena Nacional, la noche del 19 de julio de 1935. S.l., s.f.
- Cárdenas y la izquierda mexicana. México: Juan Pablos Editores, 1975.
- Макдермотт К., Агню Дж.* Коминтерн: история международного коммунизма от Ленина до Сталина. М.: АИРО, 2000. Makdermott K., Agniu Dzh. Komintern: istoriia mezhdunarodnogo kommunizma ot Lenina do Stalina. M.: AIRO, 2000 [The Comintern, a history of International Communism from Lenin to Stalin]
- Севин С.* Мексика на пути к фашизму // *Международная жизнь.* №2, 1930. Москва, с. 86-101. Sevin S. Meksika na puti k fashizmu // *Mezhdunarodnaya zhizn'.* N.2, 1930. Moscow, pp. 86-101 [Mexico on the Way to Fascism]

Синани Г.Б. (ред.). Проблемы Южной и Карибской Америки. М., 1934. *Sinani G.B.* (red.). Problemy Yuznoi i Karaibskoi Ameriki. Moscow: 1934 [The Problems of South and Caribbean America]

Хейфец В.Л. От альянса до разрыва. // *Латинская Америка*. №3, 2003. Москва, С.36-52. *Jeifets V.L.* Ot aliansa do razryva. / *Latinskaya Amerika*. N3, 2003. PP. 36-52 [Between Alliance and Rupture]

Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Коминтерн и Латинская Америка: люди, структуры, решения. М.: Политическая энциклопедия, 2019. *Jeifets V.L., Jeifets L.S.* Komintern i Latinskaya Amerika: liudi, struktury, resheniia. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2019 [The Comintern and Latin America: Persons, Structures and Decisions]